

главѣ онъ подходитъ къ собственной своей темѣ, излагая распространение господства турокъ до гибели Баязида (1402). Лишь послѣ этого онъ обращается къ собственно византийской исторіи, начиная ее рассказомъ о планахъ Іоанна Кантакузина. Поэтому 1341 г. можно считать собственно началомъ сочиненія; однако Дука говоритъ о послѣдующихъ событіяхъ лишь въ общихъ чертахъ; большей подробности его рассказъ достигаетъ лишь съ началомъ правленія Баязида (1389), такъ что изъ византийскихъ императоровъ болѣе подробно разсматриваются только три послѣдніе Палеологи: Мануилъ, Іоаннъ и Константинъ (1391—1453). Заканчивается исторія Дуки рассказомъ о завоеваніи Мухаммедомъ II Лесбоса въ 1462 г. Сочиненіе это является такимъ образомъ продолженіемъ Григоры и Кантакузина и дополненіемъ Халкондила, Франза и Кривоула. Дука, который могъ самъ наблюдать значительную часть изображенныхъ имъ событій, не преминулъ собрать свѣдѣнія и у очевидцевъ; онъ взялъ нѣкоторыя данныя даже у турокъ. Предстоитъ еще изслѣдовать, кому онъ слѣдуетъ въ изложеніи болѣе древней исторіи. Его любовь къ истинѣ находится внѣ сомнѣнія, а по точности онъ стоитъ гораздо выше Халкондила ¹⁾. Къ тому же рассказъ Дуки отличается живостью, наглядностью и драматическимъ движеніемъ. Въ немъ нѣтъ риторическихъ украшеній и тяжелыхъ округленныхъ періодовъ; привлекательно простое, хотя немного и безпомощное краснорѣчіе сердца. Прочтемъ, напр., описаніе губительнаго похода монголовъ подъ предводительствомъ Тамерлана: «Направляясь отъ города къ городу, они оставляли землю такой пустынной, что нельзя было услышать болѣе ни лая собаки, ни крика домашней птицы, ни писка ребенка. Какъ рыбакъ тащитъ изъ глубины къ землѣ свою сѣть и вмѣстѣ съ нею все, что попадетъ, будутъ ли то крупныя рыбы или малыя, или даже совсѣмъ жалкія рыбки и краббы, такъ и они опустошили Азію» и т. д. ²⁾. Очень важно и полно захватывающаго интереса описаніе завоеванія Константинополя ³⁾. Дука бросаетъ тяжкіе упреки непримиримымъ врагамъ уни, которые даже въ минуту величайшей опасности не хотѣли слышать о помощи Запада и держались мнѣнія, что лучше попасть въ руки турокъ, чѣмъ въ руки франковъ. Несмотря на это, онъ—строга православенъ, и болѣе сильное негодованіе охватываетъ его при рассказѣ объ оскверненіи турками священныхъ сосудовъ и изображеній. Впечатлѣніе свѣжести рассказа повышается постояннымъ отраженіемъ въ немъ переживаній и личности автора.

По языку Дука является рѣзкой противоположностью Халкондилу; не заботясь о господствующей условности, онъ пытается создать литературный языкъ на основѣ разговорнаго нарѣчія; его рѣчь является смягченнымъ народнымъ греческимъ

¹⁾ Ср. Berger de Xivrey Mémoires sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue (Mémoires de l'institut de France, Académie des inscriptions et belles-lettres. 19, 1853, 21).

²⁾ стр. 77 *CB*.

³⁾ стр. 262—311.

языкомъ, часто употреблявшимся въ дипломатическихъ сношеніяхъ того времени. Этой удачной попыткѣ мы обязаны прежде всего тѣмъ, что рассказъ Дуки, будучи правдивѣе и образнѣе, дѣйствуетъ сильнѣе рассказа Халкондила. Дука всегда осмѣливается называть вещи ихъ именами, и потому рассказъ его гораздо болѣе понятенъ, чѣмъ рассказъ Халкондила. Кто привыкъ къ чтенію классиковъ, тотъ найдетъ слишкомъ грубымъ этотъ языкъ, изобилующій турецкими, итальянскими и другими чужеземными словами; но надо судить его съ точки зрѣнія его же эпохи, вѣрнымъ зеркаломъ которой онъ служитъ. Въ такихъ сочиненіяхъ явно лежатъ жизненныя зерна ново-греческаго литературнаго языка, развитіе котораго, къ сожалѣнію, было остановлено на слишкомъ долгое время политической гибелью народа. Правда, *I. Bekker* увидѣлъ въ Дука только «*barbarum perditurum temporum testem*», котораго, онъ думалъ, можно смѣло предоставить «*sordibus suis*».

Изданія: Ed. gr. *Ism. Bullialdus CP* 1649 съ латинскимъ переводомъ и комментариемъ. Повторено *CV* 1729. — Въ *CB* гес. *J. Bekker* 1834; здѣсь присоединенъ итальянскій переводъ, значительно дополняющій неполный греческій текстъ, который былъ сдѣланъ однимъ венеціанскимъ священникомъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ составленія оригинала. — Повторено *PG* CLVII 739—1166 (безъ итальянскаго перевода). Исправленія у *A. Mullach Conjectaneorum Byzantinorum libri duo. Berolini* 1852 стр. 3 сл.

§ 36. Георгій Франзъ (Γεώργιος ὁ Φραντζῆς) родился въ Константинополѣ въ 1401 г. Потерявъ своихъ родителей въ 1417 г. во время чумы, онъ сталъ секретаремъ императора Мануила II и съ тѣхъ поръ служилъ императорскому семейству дома, на полѣ битвы и на дипломатическомъ поприщѣ. Въ 1429 г. у Патраса онъ спасъ изъ рукъ враговъ Константина, сына Мануила, и былъ взятъ вмѣсто него въ плѣнъ. За свои заслуги Франзъ былъ возведенъ въ 1432 г. въ чинъ протовестіарія, въ 1446 г. назначенъ префектомъ Спарты, позднѣе великимъ логоѳетомъ. При завоеваніи Константинополя, онъ вмѣстѣ съ семьей попалъ въ плѣнъ къ туркамъ; получивъ свободу, бѣжалъ въ Пелопонессъ къ деспоту Томѣ Палеологу, а когда турки утвердились и тутъ,—въ Италію; былъ въ Римѣ и Венеціи. Послѣ дѣятельной, изобиловавшей и дѣлами и печальными событіями жизни, онъ ушелъ подъ именемъ Григорія въ одинъ изъ монастырей на Корфу. Здѣсь онъ написалъ по побужденію нѣкоторыхъ знатныхъ корфіотовъ свою исторію (*Χρονικόν*), которую закончилъ въ 1477 г.; сочиненіе это обнимаетъ періодъ времени съ 1258 по 1476 г.

Въ предисловіи Франзъ по установившемуся обычаю говорить о пользѣ историографіи и выставляетъ ставшее стереотипнымъ заявленіе, что нужно писать исторію *sine ira et studio* ¹⁾; она должна остаться на всѣ вѣка живымъ голосомъ, понятнымъ свидѣтелемъ прошлаго. Такъ хочетъ онъ представить и исторію

¹⁾ Стоило бы прослѣдить нѣсколько исторію этого тацитовскаго положенія въ греческой историографіи.

Палеологовъ. Послѣ нѣкоторыхъ вступительныхъ замѣчаній о семьѣ Михаила Палеолога, онъ описываетъ его бѣгство изъ Никеи къ турецкому султану въ Иконіи (1258), его коронаваніе и смѣлое завоеваніе Константинополя и въ довольно сжатомъ очеркѣ доводитъ въ первой книгѣ рассказъ до смерти Мануила II (1425). Лишь съ этого времени изложеніе становится болѣе подробнымъ. Во второй книгѣ излагается правленіе Іоанна VIII Палеолога (1425—1448), въ третьей—правленіе послѣдняго Палеолога, Константина XI (1448—1453), и паденіе имперіи, въ четвертой, наконецъ, борьба деспотовъ Палеологовъ въ Пелопонессѣ, покореніе ихъ турками и нѣкоторыя позднѣйшія событія до 1476 г. Наибольшее историческое значеніе имѣютъ три послѣднія книги сочиненія. Франзъ, въ качествѣ чиновника и дипломата, самъ принималъ участіе въ описанныхъ имъ событіяхъ и сумѣлъ передать свои наблюденія правдиво, съ знаніемъ дѣла и наглядно. Горькое негодованіе, съ которымъ говорится о туркахъ, понятно у челоука, который со своей семьей и со всѣмъ своимъ народомъ такъ много претерпѣлъ отъ нихъ. Полнаго одобренія заслуживаетъ рѣзкая полемика противъ латинянъ, которые смотрѣли на разразившуюся надъ Византіей катастрофу, какъ на заслуженное наказаніе греческой ереси; политическія событія, замѣчаетъ Франзъ, не имѣютъ ничего общаго съ православіемъ, и для османскаго владычества настанетъ конецъ. Къ этому Франзъ, присоединяетъ длинное толкованіе старыхъ пророчествъ о продолжительности турецкаго владычества и опроверженіе ученія Магомета.

По своему изложенію Франзъ принадлежитъ къ самымъ симпатичнымъ явленіямъ времени Палеологовъ: онъ стоитъ по срединѣ между Халкондиломъ и Дукой, далеко и отъ искусственнаго архаизма перваго, и отъ простонароднаго стиля втораго; пишетъ онъ просто и плавно, дѣлая нѣкоторыя уступки народному языку въ своемъ словарѣ въ отдѣльныхъ формахъ и построеніи фразъ, не вполне измѣняя, однако, преданіямъ византійскаго искусства греческой рѣчи.

Изданія: Сперва отрывокъ въ латинскомъ переводѣ *Jac. Pontanus'a* въ добавленіи къ его изданію Теофилакта Симокатта Jngolstaet 1604.— Повторено CV 1733 съ Генесіемъ и др.—Ed. gr. греческаго текста: Χρονικὸν Γεωργίου Φραντζῆ τοῦ πρωτοβεστιαρίου . . . ὑπὸ τὸ πρωτὸν ἐκδοθὲν ἐπιμελεῖα Φρ. Καρ. Ἄλτερ (Alter) Ἐν Βιέννῃ τῆς Αὐστρίας 1796. Написанное на страннѣйшемъ греческомъ языкѣ предисловіе даетъ свѣдѣнія о сочиненіи и рукописи Франзы и о жизни *Pontanus'a*; текстъ основанъ на cod. Monac. gr. 239. Добавлено нѣсколько родственныхъ по материалу отрывковъ, какъ Ἱστορία πολιτικὴ Κωνσταντινουπόλεως (1391—1578), которую нѣкогда отъ Θεοδώρα Ζιγομάλλυ получилъ *Μαρτίνος Κрузій* и опубликовалъ въ своей «Turcoggaecia» вмѣстѣ съ сопроводительнымъ письмомъ *Ζιγομάλλυ*; здѣсь же замѣчательное по своей народной рѣчи и по мыслямъ сообщеніе о разговорѣ патріарха Геннадія съ султаномъ и др.—Въ CV ed. I *Bekker*, 1838, по лучшей парижской рукописи (Suppl. gr. 80).—Повторено PG CLVI 551—1080.—Сокращенный народно-греческій текстъ хроникъ, обнимающей, однако, только 1402—1476 г.г., издалъ по ватиканской рукописи *Joh. Franz* у *A. Mai*, Class. auct. 9 (Romae 1837) 594 сл.—Затѣмъ повторено PG ук. мѣсто.—*Г. Дестунисъ* (Ж. Мин. Нар. Просв. 1893, т. 287, июнь, стр. 427—497) защищаетъ хорошими доводами уже ранѣе высказанный

русскими учеными взглядъ, что эта краткая хроника есть произведеніе самого Франза и должна рассматриваться, какъ родъ черновика, который былъ имъ впоследствии старательно обработанъ для широкой публики.

§ 37. Кривовуль (Κριτόβουλος) съ о. Имбра, знатный грекъ, написалъ, вѣроятно, еще до 1470 г., исторію султана Магомета II, которая излагаетъ событія 1451—1467 гг., и мѣстами служить дополненіемъ сообщеній Халкондила, Дуки и Франза. Кривовуль, подобно своему современнику Халкондилу, не могъ устоять передъ испытанной притягательной силой величественно простыхъ начальныхъ словъ *Θυκιδίδα*, злоупотребленіе которыми осмѣивалъ уже Лукіанъ на забавномъ примѣрѣ (гл. 15). Получается странное впечатлѣніе, когда авторъ, рассказывающій исторію турецкаго султана, говоритъ въ стилѣ перикловой эпохи: Κριτόβουλος ὁ νησιώτης, τὰ πρῶτα Ἰμβριωτῶν τὴν ξυγγραφὴν τῆνδε ξυνέγραψε, δικαιοσας μὴ πράγματα οὕτω μεγάλα καὶ θαυματὰ ἐφ' ἡμῶν γεγονότα μεῖναι ἀνήκουστα и т. д. Кривовуль слѣдуетъ аттическому исторіку и въ хронологическомъ расположеніи матеріала по четыремъ временамъ года и въ стилистическомъ украшеніи рассказа; двѣ большія рѣчи, которыя онъ составляетъ произнести Магомета предъ собраніемъ полководцевъ и сатраповъ, можно сравнить съ центами *Θυκιδίδα*. Несмотря на всѣ старанія, Кривовуль не достигаетъ и тѣни сходства съ глубокомысленной сжатостью и полнотой своего великаго образца: его изложеніе слишкомъ страдаетъ болтливостью, а средства ограничены узкими предѣлами заученныхъ выраженій. Но что отличаетъ Кривовула отъ другаго современнаго ему поклонника *Θυκιδίδα*—Халкондила и отъ другихъ повѣствователей о разрушеніи восточно-римскаго государства и греческой націи, это его отношеніе къ побѣдителямъ. Въ то время какъ Халкондиль, Дука и Франзъ писали свои сочиненія внѣ предѣловъ турецкой державы и поэтому могли не считаться съ отношеніемъ къ ихъ писанію турокъ, Кривовуль открываетъ собою рядъ писателей, мирящихся съ турецкимъ владычествомъ и старающихся приспособиться къ новому положенію вещей; и нельзя слишкомъ строго упрекать Кривовула за то, что при этомъ подавляется свободное мужественное слово и слышится иногда недостойная лесть: подобныя сдѣлки съ совѣстью мы находимъ до сихъ поръ у турецкихъ подданныхъ, осмѣливающихся излагать что-либо, относящееся къ османамъ. Впрочемъ, Кривовуль самъ чувствовалъ неясность и затруднительность своего положенія и не преминулъ пространно объяснить по поводу этого съ читателями. Онъ проситъ всѣхъ, которые теперь или позже обратятъ вниманіе на его сочиненіе, не упрекать его въ глупости и низости и не порицать его за то, что онъ открыто выставилъ на позоръ несчастія и угнетенія націи вмѣсто того, чтобы по мѣрѣ силъ скрыть ихъ. Во-первыхъ, своимъ сочиненіемъ онъ, вѣдь, не думалъ порицать греческій народъ: онъ не такъ безчувствененъ, чтобы присоединять къ теперешней бѣдѣ еще горькія обвиненія; во-вторыхъ, онъ знаетъ, конечно, что такія перемѣны счастья

лежать въ природѣ человѣческихъ дѣлъ и случались у всѣхъ народовъ. Если отдѣльные греческіе государи и допустили тяжелыя ошибки, то за это не можетъ отвѣчать нація. Какъ когда-то еврей Іосифъ объективно рассказалъ о завоеваніи Іерусалима римлянами, точно также и онъ хочетъ описывать все согласно долгу и правдѣ. Въ самомъ дѣлѣ, его разсказъ, быть можетъ, свободенъ отъ намѣреннаго искаженія истины; за то многого оставляютъ желать передача мѣстныхъ названій и личныхъ именъ и точность хронологіи. Часть вины лежитъ, повидимому, на источникахъ Критовула; нѣкоторыя ошибки произошли вѣдѣствіе доведенной здѣсь до апогея византійской педантичности въ замѣнѣ всякой цѣною средневѣковыхъ названій мѣстностей и народовъ античными.

Такимъ образомъ для эпохи послѣднихъ Палеологовъ и окончательнаго уничтоженія византійской державы мы имѣемъ четырехъ историковъ, которые взаимно вполнѣ другъ друга дополняютъ и исправляютъ. Ихъ отличія объясняются отчасти различіемъ цѣлей и средствъ, отчасти различіемъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ они разсматриваютъ событія. Аѳинянинъ Халкондилъ принадлежитъ къ кругамъ пелопонесскихъ деспотовъ и поэтому подчеркиваетъ преимущественно внутренне и внѣшніе конфликты на югѣ Балканскаго полуострова; Дука, дипломатическій агентъ искуснаго государя и поэтому наблюдаетъ политическія событія изъ франкскихъ владѣній въ Малой Азии и Лесбосѣ; Франзъ, императорскій чиновникъ и ревностный сторонникъ антиримской партіи, стоитъ на той точкѣ зрѣнія, которая ранѣе была единственно возможной точкой зрѣнія византійскаго двора и византійской патріархіи. Критовулъ, наконецъ, является греческимъ райей, который по мѣрѣ силъ прилагается къ измѣнившимся обстоятельствамъ и, какъ въ послѣдствіи фанариоты, безпрекословно посвящаетъ себя службѣ новому властителю.

Изданія: Изданіе, не могущее, впрочемъ быть такъ названо, такъ какъ никогда не было опубликовано, подготовилъ Ph. Ant. Dethier Monum. Hung. Hist. vol. XXI, pars I (Sine anno) I—346. — Ed. C. Müller FHG V (1870) 40—161 (съ хорошими лингвистическими и реальными примѣчаніями).

В. Хронисты.

§ 38. Общая характеристика. Цѣнность византійскихъ хронистовъ заключается существенно въ томъ, что они частью составляютъ намъ утерянныя историческія сочиненія и заполняютъ пробѣлы, встрѣчающіяся у довѣствователей-современниковъ. Форма изложенія у хронистовъ не претендуетъ на художественность; но какъ разъ тѣмъ самымъ, что они отказываются отъ архаическаго греческаго языка, они становятся важнѣе для исторіи живого языка, чѣмъ историки, которые пользуются условнымъ искусственнымъ языкомъ. Авторы хроникъ — въ большинствѣ случаевъ монахи, желающіе дать лицамъ своего круга или благочестивымъ мірянамъ краткія руководства по всемірной исто-

риі. Отсюда объясняется доминирующая въ этихъ трудахъ клерикальная и популяризирующая тенденція. Этимъ двумъ качествамъ обязаны они своимъ распространеніемъ на латинскомъ Западѣ и особенно среди обращенныхъ Византіей въ христіанство восточныхъ и славянскихъ народовъ, среди сирійцевъ, арабовъ, армянъ, грузинъ, болгаръ, сербовъ и русскихъ. Такимъ образомъ, хроники имѣли несравненно большее значеніе для общей культуры средневѣковья, чѣмъ «Исторіи», написанныя современниками, оказывавшія дѣйствіе лишь на самые тѣсныя круги въ Византіи; и то, чего имъ недостаетъ со стороны ихъ внутренней цѣнности и художественности формы, онѣ возмѣщаютъ неизмѣримымъ вліяніемъ на литературы чужихъ народовъ.

Обыкновенно хронисты значительно облегчали себѣ свою работу: за немногими исключениями, они просто болѣе или менѣе подробно экцерпировали находящіяся въ ихъ распоряженіи историческія труды и болѣе древнія хроники, причѣмъ для каждаго отдѣльнаго отрывка пользовались однимъ источникомъ — принципомъ, излюбленнымъ, какъ извѣстно, уже древними историками. Нерѣдко, правда, включали они въ главный источникъ одинъ или нѣсколько побочныхъ. Въ нѣкоторыхъ хроникахъ зависимость отъ источниковъ доходитъ до того, что онѣ получаютъ значеніе списковъ болѣе древнихъ трудовъ. Случается также, что одинъ и тотъ же трудъ ходитъ подъ различными именами. Современнаго представленія о литературной собственности въ этомъ родѣ литературы не существуетъ, и потому это не болѣе, какъ донкихотство, когда клеймятъ, какъ это часто бывало, невинныхъ хронистовъ именемъ безсовѣстныхъ плагиаторовъ. Такого упрека византійскій хронистъ не понялъ бы. Форма изложенія и идеи для него дѣло второстепенное, а матеріалъ, факты, онъ разсматриваетъ, какъ общее достояніе, изъ котораго каждый можетъ выбирать по своему желанію. Этотъ литературный коммунизмъ привелъ къ тому, что теперь часто бываетъ трудно провести здѣсь границы между самостоятельной компиляціей, простой редакціей и рукописнымъ вариантомъ. Отсюда создаются почти непреодолимыя затрудненія для дипломатической критики и для научныхъ изданій. Самую трудную проблему представляетъ въ данномъ отношеніи Георгій Монахъ, царившій надъ умами въ теченіе всего средневѣковья и потому дошедшій до насъ въ безчисленныхъ, сильно расходящихся между собою рукописяхъ.

Весьма важно въ этомъ родѣ литературы, гдѣ каждое новое произведеніе по мѣрѣ возможности черпаетъ свое содержаніе изъ болѣе древнихъ трудовъ, установить ихъ родство и отношеніе къ источникамъ. Такое установленіе наталкивается еще на большія затрудненія, чѣмъ научное изданіе текстовъ, и принадлежитъ несомнѣнно къ самымъ труднымъ задачамъ, которыя вообще существуютъ въ филологіи. Нѣкоторые изъ основныхъ источниковъ потеряны навсегда, другіе дошли до насъ только въ видѣ извлеченій и отрывковъ или въ позднѣйшей переработкѣ и переводѣ; изъ послѣднихъ многое еще не опубликовано,